

МОСКВА
НОЯБРЬ
1933

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВКП(б)
„ПРАВДА“

Рис. М. Черемных (тема Я. Бельского)

ВСЕ УЧАТСЯ — Папа, ты на курсах
тоже проценты прохо-
дишь... Давай вместе готовить
урок...

— Снажи, Эльза, что бывает после лета?
— Осень.
— А после осени?
— Голод.

ЛЕВЫЕ УБЕЖДЕНИЯ

У меня—сыннишка. У Петра Ивановича—тоже сыннишка. Оба учатся. Поэтому нам с Петром Ивановичем есть о чем побеседовать и помимо международных вопросов или, например, квартирных неудобств.

— Не спорю,—сказал мне вчера Петр Иванович,—общее направление школьной политики стоит на высоте... Но имеются однако и загибы. Правые загибы, я бы сказал. Ну, вот, между нами, конечно, говоря, возьмем хотя бы переводные испытания, отметки об успехах, стандартные учебники... Ведь это, в сущности, что же?..

— Да, что ж это, в сущности?—повторил я.

Петр Иванович продолжал:

— Я, конечно, человек беспартийный, но это отнюдь не мешает мне быть человеком левых, революционных убеждений. Может быть, даже более левых, чем... Короче говоря, может быть, потому я и не в партии, что хочется, знаете, шагнуть иногда и дальше, чем позволяют партийные рамки. Но вернемся к вопросу. Стандартные учебники: что же это? Возврат к старому? Стеснение инициативы учителя? Стандартные учебники!.. Я уж не говорю о том, что можно поставить вопрос и шире: нужны ли вообще учебники?

— А в самом деле,—сказал я,—зачем они? Можно же и без учебников...

Петр Иванович кивнул головой.

— Совершенно верно. И не только можно, но и должно! Ни учебников ни уроков. Живая беседа учителя с учениками в стенах школы...

— Извиняюсь,—сказал я,—обязательно в стенах школы?

Петр Иванович покраснел:

— Гм!.. Правильное замечание. Никак, знаете, не отделаешься от этих рутинных, консервативных представлений! Конечно, без стен и без школы лучше и рациональнее. Живая беседа учеников с учителем где-нибудь на лоне природы или среди фабричных станков...

— Виноват,—перевил я,—зачем же непременно с учителем. Учитель, ученики—все это, в конце концов, рутина, унаследованная нами от старой, мертвящей дореволюционной школы! И вспомните, дорогой Петр Иванович, тому пугному, что мы знаем, разве нас учителя научили? Мы учились в кружках, читали Писарева, спорили...

Петр Иванович схватил и крепко пожал мою руку.

— Приятно сойтись с человеком, не связанным предрассудками! Не скрою: в школьном вопросе я революционер до конца! Вы возьмите и такую вещь: вот, старики рабочие, многие из которых занимают сейчас ответственные посты, они, что же по стандартным учебникам учились и у дипломированных учителей?..

— Петр Иванович,—сказал я,—дорогой мой, чего уж там! В старые-то времена много ль вообще народу в школах обучалось! И ничего, жили же люди...

Петр Иванович поглядел на меня с легким оттенком недоумения:

— Да-а... То-есть, оно как бы сказать?..

— И говорить нечего!—сказал я.—Дедов, прадедов наших взять,—что ж у них: стандартные учебники были? Переводные испытания? Учителя? Зачеты? Да они и грамоте-то не знали, Петр Иванович, и ничего, хранил их господь... На кой она ляд, грамота эта? Плюньте на

ЭКЗАМЕН РОДИТЕЛЯМ

Иван Пахомыч, машинист, —
Родитель со стараньем.
Отмечен он как активист
Родительским собраньем.
Чуть только есть свободный час,
Сейчас он в школу мчится,
И помогает зоркий глаз
Работать и учиться.
Учителям и детворе
Он рад притти на помощь.
Повсюду — в классе, на дворе —
Любим Иван Пахомыч.
Он все поможет увязать
И просто и тактично.

*Иван Пахомыч, так сказать,
Родитель на „отлично“.*

Любовь Петровна Кузьмина —
Не спец по воспитанью.
Зато работает она
По школьному питанью.
Горячий завтрак и обед
Наладит и оценит,
И если вдруг продукта нет, —
Она другим заменит.
Ведь в школе у нее растут
Мальцов румяных трое.
Ну, как не постараться тут,
Чтоб повкусней устроить?
Приятно ложку облизать, —
Такая в школе каша!

*Любовь Петровна, так сказать,
На „хорошо“ мамаша.*

Андрей Андреич — счетовод —
Не очень близок школе.
Он, правда, изредка зайдет
И спросит: — Как мой Коля?
И, быстро выполнив дела
Родительского долга,
Он унесется, как стрела,
И скроется надолго.
Но дома он готов помочь
Всем школьным начинаньям
И с сыном обновить не прочь
Забутые познанья.
Ему приятно рассказать
Про дробь и делитель:

*Андрей Андреич, так сказать,
На „удочку“ родитель.*

Семен Угрюмов хоть бы раз
Зашел узнать о дочке.
— Чего ходить? Решат без нас!
Не вышибли? — и точка!
Он дочке денег не дает
На книги и тетради.
— К чему еще такой расход?
Отстань ты, бога ради!
И тут же тратит денег воз,
Чтоб оправить именины.
И Нина давится от слез,
И нет чулок у Нины.
Отец кричит: — Бросай писаты!
Купи-на водки мне вот!

*Семен Угрюмов, так сказать,
Отец на полный „неуд“.*

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

нее, Петр Иванович! Рутина, наследие старой школы, буржуазная отрыжка, Петр Иванович!..

Петр Иванович встал и, не глядя на меня, произнес:

— До свиданья. Всего хорошего!

Но в тоне его я почувствовал, что ни свидания со мной ни хорошего мне Петр Иванович вовсе не желает.

А почему бы, спрашивается? Ведь я только помог Петру Ивановичу довести его левые суждения до логического конца.

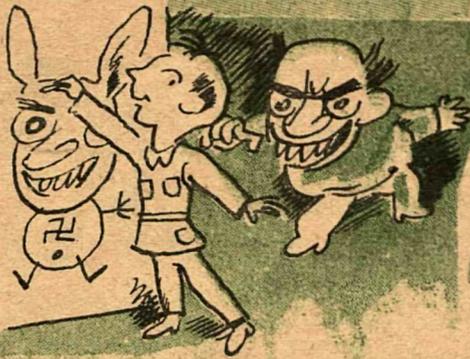
Правда, конец вышел не совсем революционный, но при чем же тут я-то?..

ГРАМЕН

КАК ХИТРЫЙ ФРИЦ ВСТРЕТИЛ ВВЕДЕНИЕ ПОРКИ

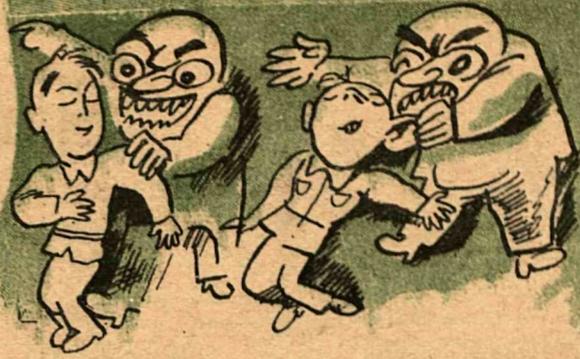
Рис. А. РАДАКОВА

Текст В. ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧА

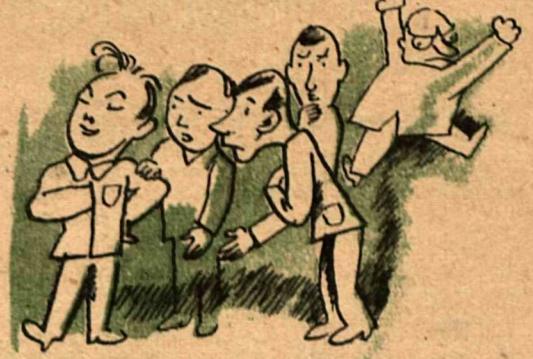

У Фрица—острый карандаш.
— Смотрите,— вот мучитель наш!
Поднялся в классе визг и вой,—
Учитель вышел, как живой.

Но, чу! Знакомые шаги!
— Скорей из класса, Фриц, беги!
Увы! Тяжелая рука
Настигла вмиг ученика.

Был, как всегда, и лют и строг
Тупой и мрачный педагог.
Он Фрицу ухо оттянул,
Но Фриц и глазом не моргнул!

Учитель—яростен и дик:
— Ах, ты, негодный большевик!
Я сдам крамольный твой портрет
В педагогический совет!

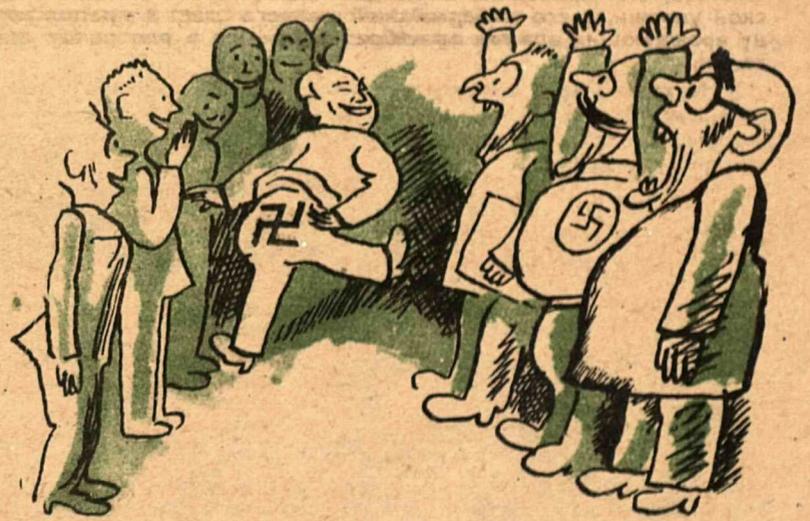
Сидит, и мрачен и сердит,
Педагогический синклит.
Учитель с жаром держит речь
И все решают: надо сечь!

Идут секторы гурьбой
И розги тащат за собой.
Ученики—белы, как мел,
А Фриц, как прежде, горд и смел.

Подняли курточку... И вдруг —
Учителей сковал испуг,
И розги вдруг упали ниц...
— Что ты придумал, хитрый Фриц?

Был на задку фашистский знак.
И сам директор, как дурак,
Штанам, бледнея, отдал честь...
Вот это — трюк! Вот это — мести!

ПО ГАЗЕТНЫМ УХАБАМ

Основной принцип всеобщего обучения—поголовная грамотность. Никаких исключений для редакторов и членов редколлегий при этом не делается. Грамотному читателю нужна грамотная газета.

Тем не менее ..

СЛУЧАЙ С АНАСТАСИЕЙ И ГИПНОЗ НА ПОЛЕ

Казакстанская газета „Большевистский штурм“ с сознанием собственного достоинства разговаривает с читателями на таком странном языке:

Пустовая Анастасия, обормовив лошадь из-за чего пала на ноги и выбыла из строя.

Недочеты в полевых работах газетой рисуются такими художественными оборотами:

Ко всему этому прибавить то, что как по гипнозу: сегодня идут трактора, а комбайны стоят, завтра наоборот—комбайны идут, тракторы стоят.

Пословица уверяет, что язык до Киева доведет. Язык „Большевистского штурма“ должен довести его руководителей значительно ближе: до школы первой ступени. Там его еще можно слегка исправить.

КАМЕННЫЙ ЯЗЫК

Язык ногинского „Голоса рабочего“ требует тщательной и длительной расшифровки, как египетские иероглифы на камнях пирамид. В местном ЗРК... скверно обстоит дело с финансовым положением, расстратами, заготовлением и снабжении рабочих.

Сообщаем „Голосу рабочего“, что до него по такой же системе писал свои отчеты один из марк-твенских героев:

„Положение у нас безнадежное, сам купуюсь, Джека убили, ветчину привезли, меня укусила пантера, а погода хорошая“.

НЕУДОБСТВА СТИЛЯ

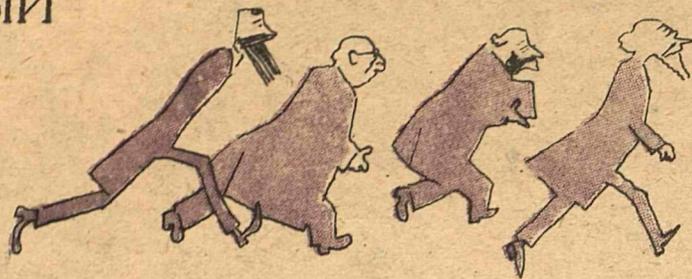
В Кадиевке газета „Шахтер“ уверяет, что на втором участке .. просили дать спецбуль, или же 50 проц. неудобства.

Мы знаем, что потребности масс растут с каждым днем, но до этой заметки никак не могли догадаться, что назрел такой спрос на неудобства. Впрочем, на одно из неудобств—на газетную неграмотность—вряд ли есть спрос со стороны читателей „Шахтера“

СУЩЕСТВЕННАЯ РАЗНИЦА

Лысьвенская „Искра“ не удовлетворена рекордом в 19 тысяч метров, поставленным стратостатом „СССР“, и уверяет своих читателей: В 12 ч. 45 м. для стратостат достиг высоты в 19 тысяч километров.

Спутать метры и километры тоже своего рода — рекорд. Только, к сожалению, рекорд безграмотности.

„В этом году Нобелевская премия мира не будет выдана никому“.

Близорукий председатель вяло обмакивал сухарик в холодном чаю и безнадежно вздыхал с видом человека, у которого сняли на льду ботинки.

Одиннадцать шведских парламентариев, членов Нобелевской комиссии, сидели вокруг него, уныло шевеля бумагой, губами и стульями.

— Ну, как же?.. Надо же дать же,—тоскливо предложил старейший член комиссии,—нельзя же не давать же...

— Спасибо,—горько усмехнулся председатель,—без вас не знаем, что надо дать. А кому? Может, архангела Гавриила или Юлия Цезаря предложите?

Действительно, положение становилось угрожающим. Уже четвертые сутки Нобелевская комиссия никому не могла присудить премии за мир. В первый день называли только коронованных особ. Намечено было три солидных кандидата: негус Абиссинии, король Монако и манчжурский император. Но абиссинский негус отпал, как собственноручно стреляющий из устаревших пушек по воскресным дням. Монахский король был заподозрен в том, что использует Нобелевскую премию как недорогую рекламу для одного из игорных зал; что касается манчжурского императора, то выяснилось, что без соответствующего разрешения японского гарнизонного начальства никаких премий он принимать не может.

На второй день так же тщательно, но с некоторым опасением обсуждали кандидатуры отдельных министров. Наиболее сильными оказались кандидатуры чилийского министра почт и телеграфов и либерийского министра земледелия, но и они механически отпали: выяснилось, что чилийский кандидат является поставщиком артиллерийской упряжи, а его либерийский коллега сдает в краткосрочную аренду враждующим армиям приобретенные им в рассрочку подержанные танки.

На третий день в отчаянии перешли к деятелям науки. Председатель называл фамилии и прибавлял к ним заслуги в деле мира тем тоном, каким старьевщики снижают расценку траченных молью брюк при беглой покупке.

— Профессор Ганц Шейн! Шестьдесят восемь лет... Холост. Работает над газами, вызывающими искривление носа у тылового населения... Не годится... Профессор Чарльз Фук... Девяносто третий год... Рыжий. Изобрел ползучие мины для взрыва школ и больниц... Не годится...

На четвертый день охрипший председатель мрачно обнимал похолодевшими руками вазу с сухарями и тоскливо шептал:

— Или найдите кандидата или только через мой труп закрою заседание... Давайте смотреть по странам. Какие были за последнее время мирные договоры?

Члены комиссии наклонились над картами. Старейший надел пенсне, заелозил пальцем по странам и задумчиво произнес!

— Советско-французский—раз...

— Невероятно, но пакт,—вздыхнул председатель

— Советско-польский—два.

— Кстати и советско-румынский,—осторожно вставил кто-то сзади,—уже не гозоря о советско-испанском...

— Попутно заметим и о советско-финляндском,—вскользь уронили сбоку,—кажется, это было вскоре после советско-афганского.

— Разве после?—кисло спросил кто-то с другого конца стола.—Нет, кажется, это было после советско-турецкого...

— Не путайте дат... Это было еще до советско-итальянского... А может быть и после советско-греческого.

Председатель испуганно схватился за колокольчик. Члены комиссии сконфуженно переглянулись.

— Мне кажется,—тихо начал председатель,—что некоторые члены комиссии позволяют себе...

— Честное слово, это не я сказал: Литвинов!—дрожащим голосом произнес старейший.

— И не я! Ей богу, не я!—раздались кругом голоса.—Насчет пакта—я, а насчет Литвинова—не я.

— ' не я... Вот они слышали,—не я... Разве я позволю себе...

— Вот и прекрасно,—спокойно улыбнулся председатель.—А мне, знаете, прямо так и показалось... Итак значит кандидатов на Нобелевскую премию нет? Отлично. Объявляю заседание закрытым.

АРК. БУХОВ

П Р И М И Т Е И П Р О Ч

ВЕСЕЛЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Каждый обещает подрастающему поколению, что может. Так модный буржуазный экономист Луи Гуайяк в новой книге „Куда ведет машинизм“ заверяет, что

в будущем обществе детей станут приучать легко переносить комнатную атмосферу ниже 5 градусов по Цельсию.

Если попутно еще приучить детей обходиться без крыши, без обеда и без одежды, картина экономического благосостояния ближайшего будущего капиталистического мира, по Гуайяку, становится ясной...

ПЕРВОИСТОЧНИК ПОРЯДКА

Испанское министерство народного просвещения под влиянием духовенства отказалось

бороться с талочными наказаниями в монастырских школах. Духовенство заявило, что борна приучает учащихся к порядку (П).

Повидимому, бороться в монастырских школах с культурой гораздо легче, чем с поркой.

УЧИТЕЛЯ НРАВСТВЕННОСТИ

Мангеймский орган фашистов „Хакенкрейц-баннер“ открыл наглядную школу нравственности для арийцев, помещая на своих страницах такую информацию:

„Кете Габель, Шандштрассе, 28, поддерживает отношения с евреем Липшютц. Немка Анна Швейцар поддерживает отношения с евреем Куртом Майером. Христинна Готт поддерживает отношения с евреем Морцем Кирххаузенем.“

Нужно сказать, что фашистские учителя арийской нравственности наблюдают жизнь даже и через замочную скважину.

СПИНА ПРОСВЕЩЕНИЯ

Изданная в Варшаве книга „Перед лицом школьной катастрофы“ приводит данные о том, что

не менее 30 процентов всего числа „польских детей находят в школах“.

Школьная катастрофа в Польше нередко показывает свое лицо. Просвещение же показывает польским ребятам преимущественно не лицо, а спину.

ВНЕШКОЛЬНОЕ НЕОБРАЗОВАНИЕ

Американский профессор П. Морт утверждает, что в Америке

много заключенных школ, так как из-за кризиса 3/2 миллионов детей школьного возраста не посещает школы.

Повидимому, в свое время легче было открыть Америку, чем теперь американские школы.

ШКОЛА-МОДЕРН

По словам шведских газет, один из датских крупных концернов открыл для служащих тайную

школу экономического шпионажа.

Если в такой школе учеников и вызывают во время уроков, то только в полицию.

КОЛОНИЯ, КОТОРОЙ НЕТ

По скромному подсчету английских газет

на лондонских пригородных улицах есть десятки тысяч совершенно беспризорных детей.

Англия владеет самыми большими колониями в мире. Единственная, повидимому, колония, недоступная для английского владычества,—это колония для беспризорных в самом Лондоне. Для нее у твердолобых нехватает ни средств ни желания.

Нагар и Копоть

САМОДУРЫ И КИЛОМЕТРЫ

Учителя Дикгорского района в Осетии из-за чьего-то головотяпского распоряжения вынуждены в дни выдачи зарплаты ездить за ней за 20—30 километров.

Единственное утешение для дикгорских учителей, что в остальные дни они находятся на таком же приличном расстоянии от упомянутых головот...ов.

МЫЛЬНАЯ ЛОГИКА

В ОРС фабрики „Большевичка“ (Вышний-Волочек) прикрепленным учителям было заявлено четко и безоговорочно:

Учителям мыла не выдают.

Повидимому, сэкономленное мыло руководители ОРС решили использовать для пускания мыльных пузырей в отчетах о бытовом обслуживании учительского персонала.

ТИХИЕ УМНИКИ

До сих пор еще никто не ставил в дискуссионном порядке вопроса о том, должен ли ночью спать преподаватель физики и можно ли требовать от математички навыка к охранению зданий. И напрасно никто не ставил этого вопроса на дискуссию. В Челябинске, например, он еще до сих пор находится в состоянии неразрешенной проблемы учительского быта.

Так например, администрация школы ФЭС № 11

по причине того, что школьное здание велико, а охраняет его один сторож, дала учителям и учительницам обязательную нагрузку — дежурить по ночам в порядке очереди вместе со сторожем.

Когда это распоряжение администрации дошло до месткома Челябинского рабпроса, последний основательно продумал его и постановил:

„Утвердить!“

Физическое состояние челябинского учителя, который ночью дежурит вместо сторожа, а днем занимается с учениками, мы представляем плохо. Но умственное состояние месткома Челябинского рабпроса мы представляем себе очень хорошо. Незавидное это состояние!

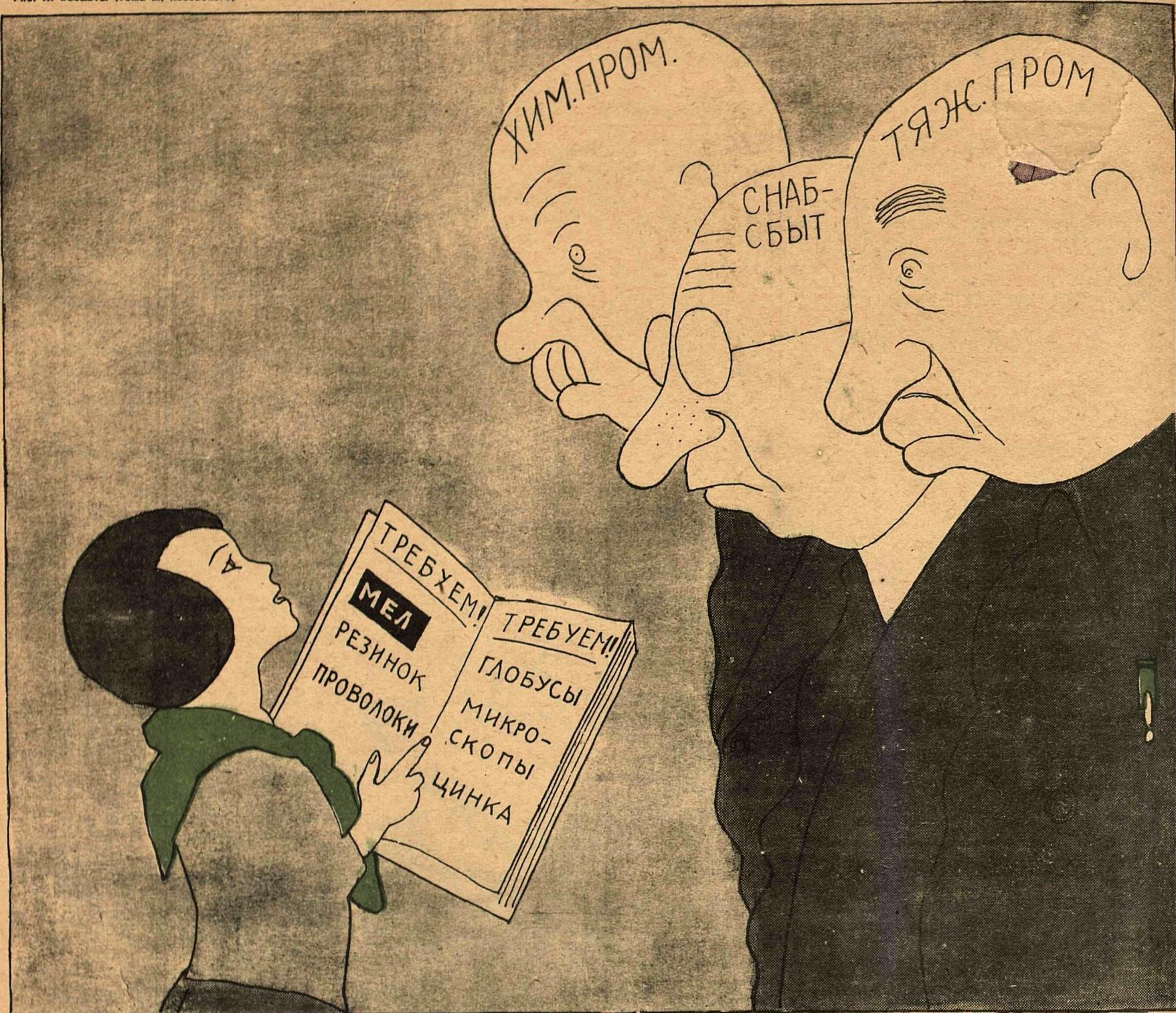
НЕ НАГЛЯДНЫЕ ПОСОБИЯ

Рис. Л. Генча (тема В. Лобедова-Кумача)

Комплект учебных пособий для студента в среднем стоит до 500 руб.

— Вот выиграть бы тысячу при каком-нибудь тираже, тогда, пожалуй, и учебники по химии и физике купить можно.

— Вот, дяди, вы должны выдержать экзамен по всем этим предметам!

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

По расписанию псеэду надлежало стоять на этой станции не более трех минут, но наш пассажирский опоздал на два часа; он выбыл из графика и поэтому теперь, как миленький, пропускал на каждом полустанке, на каждом раз'езде скорые и ускоренные, и стовагонные товарные, и даже самые тихие и маленькие.

Маленький товарный поезд до этого сам долго стоял на запасном пути, сам всех пропускал, а теперь, выйдя из тупика и клаца застоявшимися частями, гордо прошел мимо наших опечаленных окон.

Нас держали, останавливали у семафоров, осаживали.

Поезд медленно и покорно пятился. Главный, махнув на все фонарем, ушел в дежурную.

Дежурный по станции смотрел, куда бы еще подальше оттащить наш состав...

— Вот тут-то она ему и сказала!.. — крикнул наш сосед железнодорожник с густыми усами. — Располагайтесь по-домашнему, граждане. Теперь надолго встряли. Можно и чайку попить с повидлом!

Люди зевали, уныло ругали машиниста, спорили о вычетах за каждый час опоздания и курили, курили потому, что хотя вагон был некурящий, но люди курящие.

Через плечо соседа железнодорожник посмотрел на развернутую газету, прочитал вслух заглавие подборки: „Разоблачить и изгнать саботажников из путевого хозяйства, срывающих подготовку транспорта к зиме“.

Пригладил ладонью усы и сказал:

— Ну, это в общем и так и этак. Взять здешнего начальника станции. Между прочим, я его знаю. Как он к зиме подготовился? На все двести. Вот он тут проживает, над буфетом. Квартерка у не-

го—две комнаты с кухней. Квартерку он свою утеплит. Печки. В одной—вышки заменили, другую поставили новую. В сарае у него, будьте спокойны, и кокс и дровишки. На весь зимний отопительный сезон. Коровник заделали войлоком. Жене начальника справили пальто на ватине. Дочка—невеста. Ей полсапожки пошили. Сыну—китанки с калошами и варежки. В общем семейство оккупировалось. Этот дежурный—брат начальниковой жены. Ему женпер выписали по адресу.

Хозяйство у них общее. Конечно, как бы сказать, это домашнее хозяйство железнодорожника. Это, как бы сказать, — по личному вопросу. Ну, а железнодорожное хозяйство... на станции... Что же?.. Ничего... В общем!

— Что ничего?—спросил сосед с газетой.

— Что? Ничего еще не сделали...

— И ничего?—поинтересовалось несколько голосов из другого отделения, где тоже томились, зевали, курили.

— Это начальнику?—ответил железнодорожник, — и усы его смеливо зашевелились.—А чего же?

Сосед с газетой не успокаивался.

— Так-таки безнаказанно и сошло?

— Нет, что вы. Как можно. Здесь с этим борются. Вот, смотрите!—

и железнодорожник показал в окно на фанерную доску, расписанную клеевой краской. Мы прочитали:

„Ламповый сторож Гугный Иван известный пьяница и срывающий наступающей зимы долой таких срывающих а вот и его лицо“.

Под этим было нарисовано нечто растрепанное, веселое и красносное, даже не подозревающее, какую высокую ответственность оно несет за всю станцию.

На станции было тихо и безмятежно. Наш состав стоял оцепенело. Главный все еще сидел в дежурке. Проводники ушли за станцию покупать молоко и сало. Дежурный прохаживался по платформе, стараясь не замечать наш выпавший из графика почтово-пассажирский.

Л. МИТНИЦКИЙ

О С О Б А Я Ш К О Л А

(Письмо Василия Ширмача друзьям и товарищам)

Хочу вам письмо отправить,
Урканы да скокари,
Не с тем, чтобы вас лягавить,
Не с тем, чтобы вас корить,
А просто, минуто спроворя,
Я шлю вам, как ценный предмет,
С холодного Белого моря
Горячий красный привет!
Быть может, забыт я вами,
И старое вам нипочем, —
Но прежде меня вы звали
Василием Ширмачом!

Имел я в общем и целом
На позапрошлый год
Четыре мокрые дела
И двадцать один привод!
Сюда я приехал на койку,
Когда прошла матня;
Не столько приехал, сколько
Приехали меня...

Поверьте, кроме шуток,
Как я сюда угодил,
То ровно четырнадцать суток
Я, как пришитый, ходил...

Четыре мокрые дела!
И двадцать один привод!
Меня, конечно, задело,
Что не взяли меня в расход!
Припаяли б мне, скажем, вышку,
И вышла бы мне судьба,
Да им приятнее, вишь ты,
„Чтоб стал я вроде раба;
„Чтоб мне, бандиту, муки,
„А им, товарищам, прок,
„Так нет же, не выйдут штуки,
„Не дам я себе зарок!

„Не выйдут ваши штуки,
„Проклятые лягаши!“
Так, злобно стиснув руки,
Я думал от всей души.
„Я делаю все по программе
„И с планом я в ладу,
„А в ударники —
чорт их маме —
„Пока живой, —
не пойду!“

И злоба в горле немая
Бурлила, как пенный вал,
И то, что теперь понимаю,
Тогда я не понимал...

Хожу я, с собой толкую
Про этот самый позор
И вот в минуту такую
Подслушал я разговор...
Прищурил я глаза-то:
Вижу — так мол и так —
Комсомольский организатор
И неизвестный штимпанк!
Сидят себе на бульваре,
Какой-то решают вопрос...
Один говорит:

„Вдарим!..“
Другой говорит:
„Вопрос?..“
Один говорит:
„Завертим!..“
Другой говорит:
„Мечта...“

О чем они спорят, черти,
Нельзя понять ни черта.
Но так как спорят крепко,
То стало мне невтерпеж.
Приподнял это я непку:
„О чем, говорю, гудеж?“

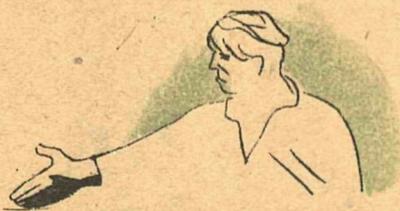
Парень глазами как вскинет
И мне в ответ на поклон:
„Дело идет о плотине,
„О встрече двух колонн;
„Дело в том, чтобы смело
„Поставить плотинный тын,
„И еще, говорит он, дело
„О таких ширмачах, как ты...
„Пойдете или не пойдете
„Вы с нами на удар?
„Он говорит:

„Напротив“,
„Я говорю:
„Да!“
И начал в меня сердито
Пальцем он шпынять:
„Так кто же, мол, вы, бандиты,
„Люди или шпана?“
Меня, конечно, задело,
Что делать, каждый поймет —
Четыре мокрые дела
И двадцать один привод!..

Как будто сейчас я помню:
Глядит на меня инженер,
И смотрит комса в лицо мне
И каждый — на свой манер.
Такой ответственный случай.
Судьба, говорят, слепа, —
Кого прикажете слушать:
Партийца или штимпа?

И дело все в инженере,
В нем-то и был секрет:
Уж очень он был уверен,
Что я скажу:

„Нет!“
Так нет же, в рот тебе дышло,
Не будешь ты, гад, рад.
(Впоследствии, правда, вышло,
Что он никакой не гад).

Но вы меня поймете.
Поймете без труда,
Что я сказал не „напротив“,
А именно —

„Да!“
Тогда комса хладнокровно
Дает мне руку свою,
А я ему безусловно
Опять же свою даю!
И сразу четко и гулко —
На весь беломорский кич —
По всем как есть закоулкам
Один проносится клич.

По директивам партийным
До самой до зари
Готовились к штурму плотины
Урканы и скокари.

Вошли в мою бригаду —
В бригаду Ширмача —
Макуха, Иван Что надо,
Пичуга да Степка Чан.

Затем Маруся Зарплата
И сам Федот-Анекдот...
Фартовые, в общем, ребята,
Да только фарт не тот...
Таких парней да девок
Не сыщешь, куда ни смотри!
Статья 59,
§ 31

Четыреста два привода —
На всякий вкус и цвет —
И в общем лишенья свободы
На двести шестнадцать лет!
Наделали девизов,
Составили бюллетень
И на ту сторону вызов
Отправили в тот же дезь...
И двинулись две оравы,
Одна навстречу другой,
Слева, значит, и справа
В железобетонный бой!

Пошла стена на стену,
В ушах звенит пурга,
И первый бык за смену —
Нами взят за рога:
„Какая“, — кричу я, — „сводна“,
„Что на той стороне?“
„В ответ доносится
четко:

„Идем наравне“,
„Скоро будем дома!
„Нажмите на каждый нерв“, —
Голос очень знакомый,
Смотрю —

тот инженер!
И так мы дернули рядом,
Так мы пустились вскачь
С бывшим вредителем-гадом
Бывший Васюка Ширмач!
Он мне дает папироску,
Берет огня моего,
И вообще оказался вдоску
Парень глыбоко свой.
И опять же тот комсомолец
Кивает нам:

„Как дела?!“
Долго ли коротко ль, —
Встреча произошла...
И мне показалось, что с тела
Слетели на полный ход
Четыре мокрые дела
И двадцать один привод!..
На самой середке сошлись мы
И тут сумели постичь,
Что в зданье социализма
Заложен какой-то кирпич.
И с таким понятием
Насчет потрясающих дел
Я песню

„Вставай, проклятьем!...“
Впервые в жизни запел...
Все прочее вам известно.

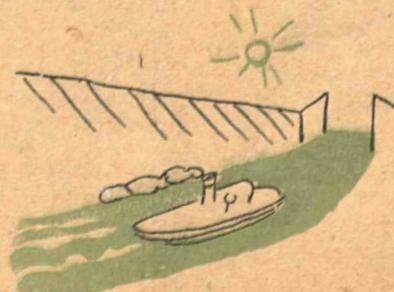
И ни для кого не секрет:
Недавно даже в „Известиях“
Печатали мой портрет.

Печатали и беседу,
Предлагали вертаться в Москву,
Да чорта ли я поеду —
Я здесь хорошо живу...

А если кому охота,
Валите ко мне сюда, —
Найдется для всех работа,
Найдется для всех еда;
И я даю вам слово
Честное мое,
Вам никто не скажет ни слова
Про прежнее ваше житье.
И если вы умные парни,
Так верьте моим словам —
Василий Ширмач — ударник,
Что желаю и вам.

АРГО

ИЗ ГРУСТНОГО АРХИВА

Лет сорок тому назад министру народного просвещения царя Александра был представлен доклад о том, чтобы в народных школах знакомили ребят с основами физики.

— Очень полезно, ваше превосходительство,— сказал докладчик,— чтобы ребята уже заранее познакомились с законом Ньютона, с законом Архимеда, с законом Бойля-Мариотта...

— Зачем ребятам столько законов? — пожал плечами — министр, хватит с них и одного закона божьего.

РАСШИФРОВАННЫЙ ЛОЗУНГ

— Скажите, что значит фашистский лозунг: „Будущее Германии — на воде“?

— Экономические перспективы для населения: переход с воды и хлеба на одну воду.

СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

Рис. Ю. Ганфа (тема Ю. Ганфа и М. Глушкова)

Ю
Ганфа 33

— Хорошо детям,— они не увидят такой пошлятины.

АУ, РОДИЛСЯ ЖЕЛТОВСКИЙ

Из Москвы, 20 слов, 15/8, 23 часа 56 минут.

Баку Нижнеприютская 131 Желтовским

Ау, сообщаю Баку Москве родился Желтовский Не задирай нос Мячковский Роды благополучные целуем Аняша.

Фрутовощной сектор Ленинского РРОП Коровий вал д 1/3.

Проходят сутки после знаменательного события. Энтузиазм в семье Желтовских не угасает. Наоборот.

Ровно через сутки, в те же часы и минуты, в Баку снова летит телеграмма. На сей раз уже срочная.

Из Москвы, 20 слов, 16/8, 23 часа 56 минут.

Срочно Баку Черный город Авушевым

Сообщаю бабушке запятая дедушке запятая дядям запятая тетям запятая я родился шлю привет роды благополучные целуем Аняша

Фрутовощной сектор Ленинского РРОП Коровий вал 1/3.

Все эти срочные телеграммы дядям, тетям, дедушкам и бабушкам рассылались фрутовощным сектором РРОП за счет государства, по лицевому счету номер 4482.

Вам, вероятно, приходилось видеть, как на телеграфе, минуя очередь, в окно передается телеграмма с надписью „посевная“. Публика в очереди почтительно пропускает подателя, понимая всю важность посылки телеграммы по такому поводу, как „посевная“.

Вскройте, однако, телеграмму и присмотритесь:

Из Москвы, 19 слов, 4/8, 15 минут 14 сек.

Самара ЦУКСУ дом отдыха 2 дача 7 Черному

Твоя телеграмма Ястребу соответствует моему письму все урегулировано здорова целую Рая. Заготзерно Б. Дмитровка 32.

Лицевой счет Заготзерно 807.

Не безынтересно полюбоваться и следующей молнией в Конотоп.

Москва Конотоп почтовый ящик 2743.

Немедленно возратить посланную посылку на имя Горячева Сергея Николаевича по адресу отправителя Горячева

Лицевой счет „Динамо“ номер 533.

В Наркомсвязи можно видеть десятки телеграмм „молний“, срочных и „посевных“, где за счет государства рассылаются телеграммы о здоровье тети Рая, смерти дедушки и бабушки, плохом аппетите Вавика и Лидочки и прочих семейных переживаниях.

Мы не против семейных сношений по телеграфу, мы скорбим об усопших, мы приветствуем новорожденных граждан Советской республики, мы даже не хотим, чтобы Рая волновалась, а Мячковский задирай нос. Но делайте это, граждане, за собственный страх и риск и не по лицевым счетам организаций.

БЕН-ГАЛИ

НАСЧЕТ ХЛЕБА И СЛУЖИТЕЛЯ НЕБА

Какой-то сын дьячка попал в весовщики, Молли он: „Хлеб подай нам диво!“ — и Чем больше умолял, тем хлебные мешки Солидные теряли в весе.

В каком бы и нам дьячки ни появлялись в виде,

Провозгласим родное имя „Изыде“.

Р. РОМАН

Рис. К. Рогова (тама Я. Бельского)

СРЕДСТВО ОТ КРЫС

По примеру прошлых зим в свердловских ЗРК идет подготовка к холодам. Чего только нет в свердловских кооперативах? Нет, например, окон, нет дверей, нет топлива. Но нет и худа без добра.

На все панические запросы Свердловский райсоюз благодушно отвечает:

— Опыт прошлых зим доказал, что мороз крайне благоприятно действует... на крыс. Крысы дохнут. Надеемся в этом году окончательно истребить этот нежелательный кооперативный элемент.

А ВОЗ И НЫНЕ ТАМ

Вот как строили дорогу от ст. Чашники до бумажной фабрики „Красная звезда“.

В 1930 году начали вести шоссейную дорогу. Затратили на нее около 200 тыс. рублей, а потом неожиданно решили вместо шоссе проложить узкоколейку. С декабря 1931 года до марта 1932 года успели уложить... 1 километр шпал. Затем эти шпалы сняли и только в мае 1933 года, уже в третий раз, приступили к строительству железнодорожной ветки нормального типа.

В результате пошехонских методов строительства до сих пор к фабрике никакой дороги нет, и из-за плохой подвозки дров она систематически недо выполняет промплана.

Не чашниковских ли строителей имел в виду Салтыков-Щедрин в „Истории города Глупова“!

„Началось с того, что Волгу толчком замесили, потом теленка на баню тащили, потом в кошеле нашу варили, потом козла в тесте утопили, потом свинью за бобра купили. Потом лапти растеряли да по дворам искали“.

ФАРФОРОВЫЕ БОЛВАНЧИКИ

Три года подряд во всех сельпо Можайского района нет стекол для ламп. Долгие зимние вечера колхозники принуждены коротать чуть ли не с лучиной, хотя у всех есть лампы-„молнии“. На все требования сельпо Московский фарфорострест отвечает: „Ждем вагонов для высылки стекол“. Надо полагать, что снабжение сельпо Можайского района поручено в МСПО и Мосфарфоростресте никому другому, как тем фарфоровым болванчикам, кои стоят на выставках Мосфарфоростреста и покачивают головами.

И АКАДЕМИК И ГЕРОЙ

Был профессор Пятецкий ростом невелик, но с немалым, несмотря на молодость, брюшком и с той приятной, бодрой округлостью во всех частях корпуса, которая обычно отличает людей вполне уверенных в себе и довольных своим положением в мире. Солидной комплекции профессора Пятецкого резко несоответствовало его совершенно детское лицо с трогательными ямочками на пухлых щеках. Профессор был бы совсем похож на раздобрешего ангела, если бы не лысинка, розовая, как ягодица младенца, премированного на конкурсе матглада.

По анкете профессора Пятецкому было 32 года. Он читал высшую математику в Московском товароведо-экономическом институте.

Кроме профессора Пятецкого, кафедру математики обслуживали еще пять научных работников, пожилых бородатых мужчин, несколько угрюмого вида и нрава.

Лекции его не отличались особенной глубиной, а методологически и вовсе хромали, но студентам тоже, повидимому, нравился этот симпатичный 32-летний малютка, легко, как с конфеткой, расправлявшийся с биномом Ньютона.

Профессор Пятецкий выпустил книжку — конспект по математике.

По общественной линии профессор Пятецкий тоже преуспевал. Был он очень проворен. Соберется бывало ячейка МОПР, — он и МОПР почти своим присутствием и даже скажет краткую прочувствованную речь.

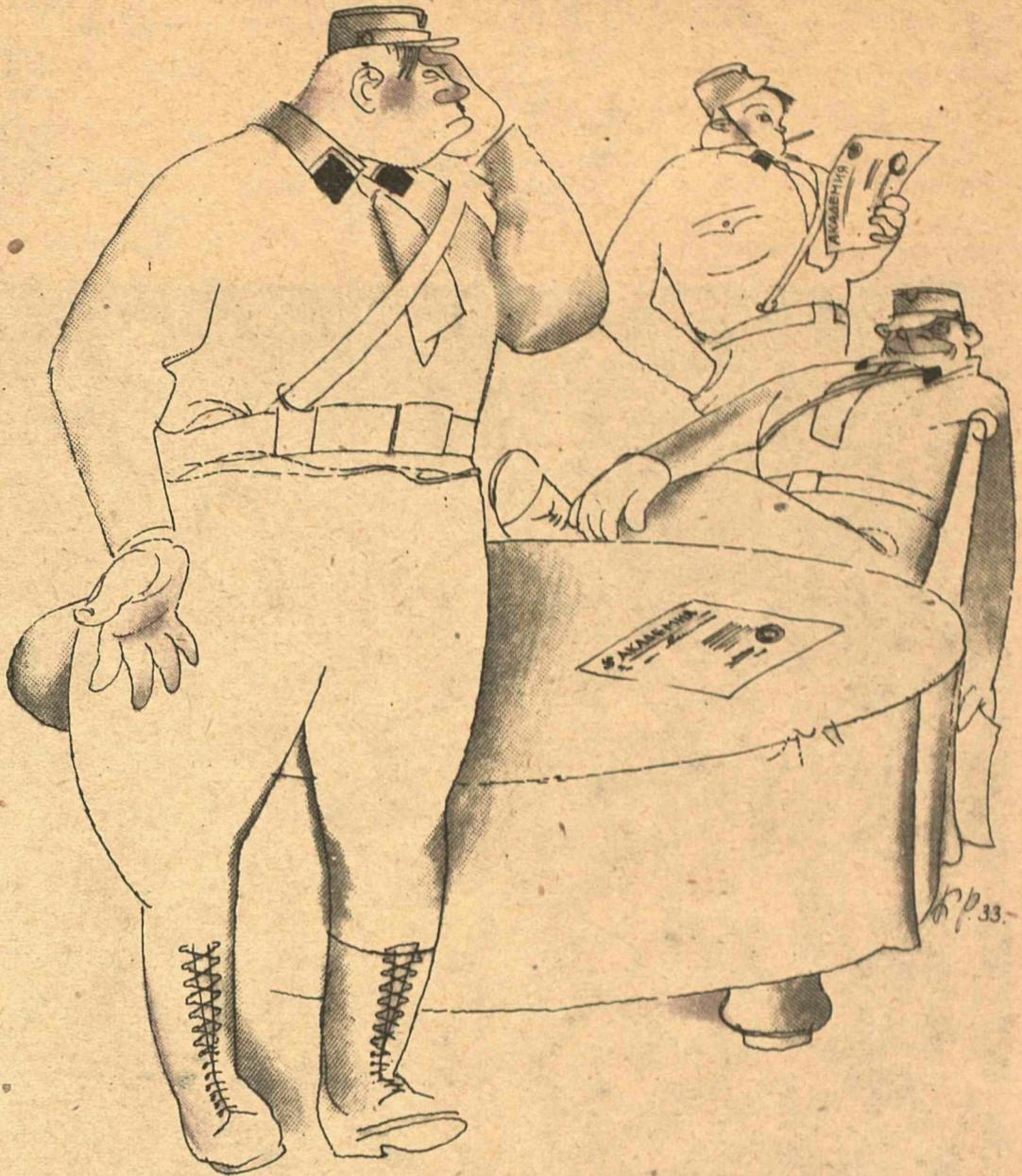
— Мы, молодые ученые, должны сомкнутыми рядами...

Заседает „Друг детей“, — и сюда заглянет румяная его мордочка, и здесь он скажет речушку.

— От имени молодых ученых я считаю...

При этом он нигде не засиживался, а так — покажется на минутку, проследит, чтобы секретарь его зарегистрировал, сделает ручкой и улетит на своих незримых крылышках.

Так бы и катилась легко и плавно жизнь профессора Пятецкого, если бы не его ужасная любознательность. Любознательность его и погубила. Мало ему, видите ли, показалось одной высшей математики, потянуло и на графологию. До того неудержимо потянуло, что вскорее, овладев командными высотами этой капризной науки, профессор

— Дали мне тут в институте кафедру, да забыл спросить, — по музыке или по хирургии.

Пятецкий как натура активная стал практически применять благоприобретенные графологические познания.

Отступав одним пальчиком на машинке отношение на имя некоей курортной организации с предложением от одного важного лица — не то из ВЦСПС, не то из Цусстраха — незамедлительно предоставить матери академика Пятецкого бесплатную путевку в лучший санаторий Союза, профессор Пятецкий так ловко подделал подпись вышеупомянутого лица, что минут десять громогласно и самолично восхищался плодами рук своих. А потом быстро, быстро побежал в курортную организацию. Там-то и произошла катастрофа.

Прежде всего показалась подозрительной фамилия академика Пятецкого, а затем и его наружность.

— Академика Карпинского знаем, — сухо сказали в курортной организации, — про академика Ферсмана много слышали, видели неоднократно, а вот академик Пятецкий?.. Это, извиняюсь, случайно не вы будете?

— Я буду академик, — сказал профессор Пятецкий и побледнел.

— Зайдите завтра, — сухо прозвучало из-за окошечка.

Через два дня все стало известно.

Стало известно, что академик Пятецкий, — это, собственно говоря, не академик.

Больше того, что он даже и не профессор.

Больше того, что он даже и не студент, а вообще ему едва стукнуло 20 годков и он совсем недавно окончил курс наук минской семилетки.

Все дипломы, анкеты и документы этого вундеркинда оказались грубоватой подделкой. Фамилия профессора Пятецкого вошла в страннейший список советских Хлестаковых.

Сейчас в Товароведо-экономическом институте идет проработка и извлечение корней и уроков. На трибуны один за другим выходят бородатые математические мужи — соратники изничтоженного академика — и бдительные товарищи из ячейки. Они бьют себя в перси и при этом утверждают, что профессор Пятецкий всегда казался им подозрительным. А со стены на кающихся смотрят портреты великих ученых, писателей и мыслителей. Они смотрят сурово и строго, и только на тонких губах Вольтера, как нельзя кстати, играет едкая насмешливая улыбка.

ЧЕРНАЯ ДОСКА

ЗАГОРСК (Московской области).

Школы района вступили в новый учебный год без единого кусочка мела.

Тем не менее, мы просим администрацию школ найти хотя бы один кусочек мела для того, чтобы занести на черную доску кого следует.

ЧИТА.

В результате хулиганства ребят для остекления школ Читы ежегодно требуется 40 ящиков стекла.

Одно из двух: или читинским организациям придется строить собственный стекольный завод или усилить воспитательную работу среди

учащихся. Предлагаем им подсчитать, что выгоднее.

ПАВЛОВСК (ЦЧО)

В Павловскую образцовую школу были присланы географические карты. Завшколой Шапошников на обратной стороне карт нарисовал лозунги и украсил ими школу. Школа осталась без пособий по географии.

Изобретательный заведующий школой очевидно забыл, что для того, чтобы осуществить мировой Октябрь, нужно в частности хорошо знать географию.

ГОРЬКИЙ.

Здание краевой детской туристской станции занято частными жильцами. Несмотря на постановления крайкома партии, крайКК, прокуратуры и суда второй год не удается выселить жильцов. Среди них — зам. предгорсовета по культурным делам т. Разумовский.

Тов. Разумовский явно — не турист и не ребенок. Кто же он? По нашему — взрослый правонарушитель.

Рис. К. Елисева (тема Бен-Гали)

В ПОГОНЕ ЗА ЭКЗОТИКОЙ

— Смотри, смотри, Джон! Наконец-то настоящие людоеды!

— Нет, черт возьми, они просто изучают анатомию...

ЛЕСТНОЕ МНЕНИЕ

Когда Чичмарев вернулся со службы домой, тринадцатилетний сын его Витя сидел с капризным лицом над учебниками и тетрадями и грязными руками растирал по лицу слезы. Жена Чичмарева стояла над мальчиком. Беспомощно она сказала мужу:

— Вот, полюбуйся: огромный малый, а ревет, как белуга.

Чичмарев положил на шкаф круглый, аккуратно скатанный сверток и сурово педагогическим голосом обратился к сыну:

— В чем дело? Почему мать на тебя вечно жалуется?

Витя, громко с судорогой икнув от плача, прогнусавил:

— Да-а... небось, она потому жалуется, чтобы я на нее не жаловался...

— Вот как? Это—интересно, за что же?

— Потому что я ее прошу мне объяснить по геометрии, а она не может.

— И не обязана. Рожать тебя она была обязана. А по геометрии— не обязана.

Мальчик зажмурился и высоким голосом запищал:

— А у меня завтра контрольная работа... У меня соревнование... А она... А я... Я ничего не понимаю-а-а...

Слезы полились бодрыми струйками.

— Давай сюда,—сказал Чичмарев,—что у тебя там?

— Вот. Об'ем призмы.

Мальчик протянул раскрытый учебник, запятнанный слезами.

— Эх, ты... Ничего сам не можешь... Ну, что ж тут непонятного? "Об'ем прямоугольного параллелепипеда равняется произведению площади основания на высоту". Ясно?

— Как мне может быть ясно, когда я уже два часа плачу-у-у...

— Не реви! Значит, так. Возьмем прямоугольный параллелепипед...

— Ну, возьмем.

— Давай сюда спичечную коробку. Так. Вот она лежит, коробка. Где у нее основание?

— Вот... это.

— Правильно. Теперь: а высота у нее где?..

Через десять минут все неясности в определении об'ема параллелепипеда были устранены. Повеселев, Витя заявил отцу:

— Все понял. А откуда ты все это знаешь?

— А учился, брат. Нас тоже всему в школе учили: и математике, и литературе, и истории. Вот я и умею.

— Да... Знаешь, папа, тебя, пожалуй, не только к нам в пятую группу, а и в шестую—можно!

— Очень благодарен за лестное мнение.

Отбивая ногами чечотку, Витя укладывает книги и тетради в портфель. От давешних слез остались только две грязные колени на щеках.

— Перестань трещать и убери свои вещи со стола,—сказала мать,—папа будет заниматься.

Чичмарев со вздохом разворачивал круглый сверток. Лицо его приняло озабоченное выражение. Мальчик на цыпочках подошел к вешалке, с размаху сдернул свою куртку, надевая ее на ходу, и выскочил в коридор. Он отсутствовал часа полтора, а когда вернулся домой, в сотый раз обследовав крыши всех окрестных сараев, застал отца все еще сидящим за столом.

Перед Чичмаревым были разложены полосы цветной бумаги, рисунки, страницы, отпечатанные на машинке, и огромный лист плотной бумаги. Чичмарев раздраженно говорил жене:

— Ну, не делал я этого! Никогда не делал! Просто не знаю, с чего начать?

— А зачем брался?

— Ну, понимаешь, неудобно же отказываться. Поручили расклеить стенную газету. Общественная работа. Раньше ее всегда Шароваров делал, а теперь он в командировке... Завтра она должна висеть, а я ничего не понимаю, как и что.

Чичмарев злобно стал ворошить все листы и рисунки. Витя подошел поближе.

— В чем дело?—сказал он.—Чего ты не понимаешь? Давай сюда. Стенгазета?

— Да,—отозвался отец.

— Ну, так ты что же? Это ж просто. Сперва кладется вот этот лист, на который все наклеивается. Понял?

— Понял.

— Теперь, смотри; вот сюда, наверх, надо наклеить заголовок. Он у тебя есть?

— Кажется, есть. Это он?

— Он. Так. Теперь: передовая статья есть? Давай. Ее—сюда. Так. Теперь: здесь нужно приклеить материал о разных пользителях.

— О ком?

— О пользителях. О вредителях это надо с картинками в конце. Кто чего наделал плохого. А сюда—пользители. Которые пользу приносят. Есть у тебя?

— Ну, есть...

— Давай. Сюда нужно будет маленький-маленький рисуночек...

— Да, а где я его возьму?

— Эх, ты, ничего сам не можешь... Ну, давай уж я сам нарисую. Красную звезду или рабочего с молотом, что хочешь?

Через час готовая черная стенгазета, свешиваясь через край, лежала на столе. Отец и сын, оба веселые и довольные, дорисовывали заголовки и виньетки.

— Гм,—хмыкнул Чичмарев,—а откуда ты все это знаешь?.. Где передовая, где рисунки, где что...

— А в школе. Мы все в школе делаем. И стенгазету, и вечера, и доклады организуем... Общественная работа, понимаешь?

— Понимая—ответил Чичмарев.

— Тебя, брат, можно к нам в трест и не то что проффоргом, а прямо в местком или в редколлегия...

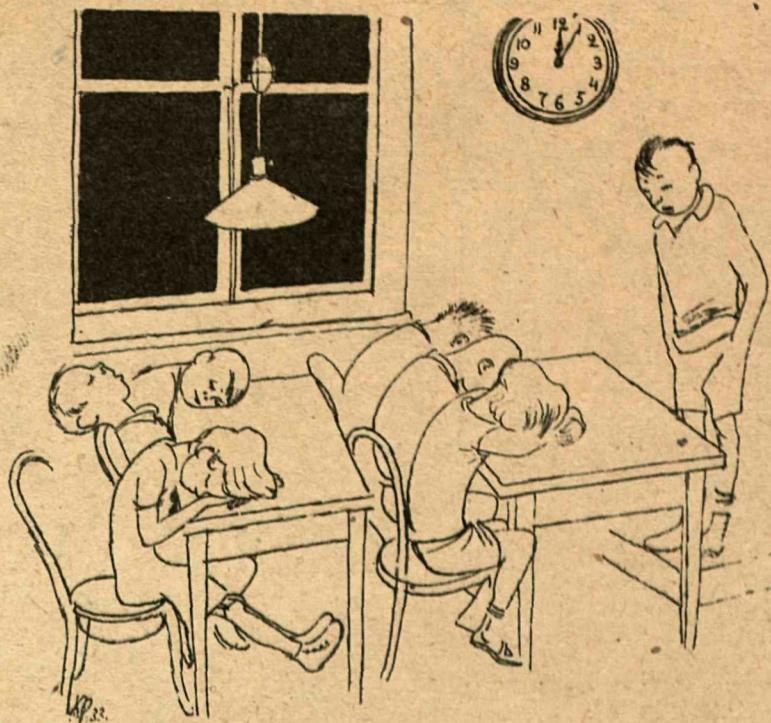
Витя поднял кверху безбровую рожицу:

— Сейчас скажу... Как это ты выразился, папка?.. Да! „Благодарю за лестное мнение!“

В. АРДОВ

Рис. К. Ротова (тема А. Створцакого)

Школьники до сих пор перегружены общественными нагрузками.

— Кто против общественной работы после 9 часов вечера?..
— Никого?.. Заседание продолжается...

НАГРУЗЧИКИ

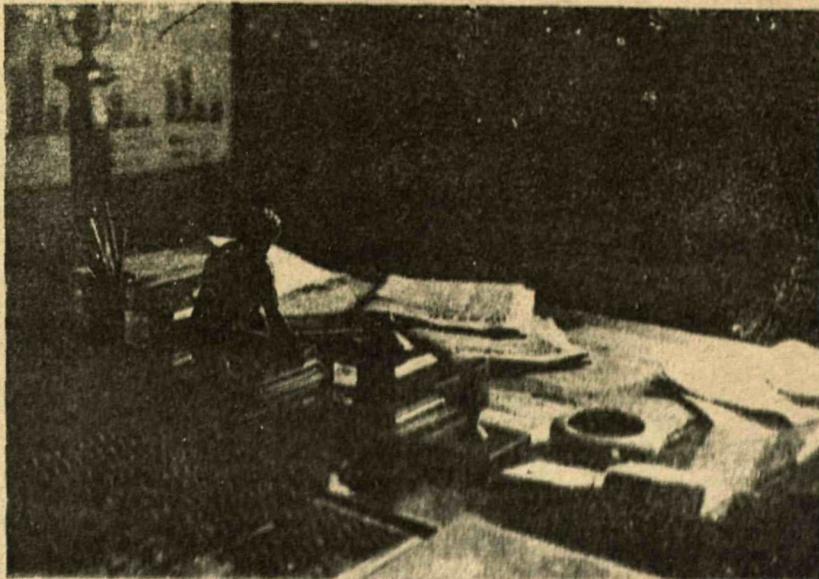
Вопрос о нагрузке учителей не везде является сложной проблемой.

В Челябинске, например, местком рабпроса полагает, что учитель не верблюд—все вынесет. Поэтому, когда обнаружилось, что в школе ФЭС № 11

зданию большое, а сторож один, всему учительскому персоналу как мужскому, так и женскому была дана нагрузка — по очереди дежурить ночью вместе со сторожем. И местком горпроса и администрация школы даже сами установили порядок этой очереди.

Повидимому, порядок подобных очередей горпросу установить легче, чем нормальный порядок в челябинских школах.

НЕ СПУТАЙТЕ!

Москмитрест под руководством директора Шомичева добился решающих успехов: программа выпуска дорогих коммерческих карандашей выполнена на 818 процентов (Правда, за этот счет сократился выпуск дешевых карандашей для школы: их выпустили всего 29 процентов). Но эта прискорбная деталь не должна омрачать общего розового фона.

Считая неудобным пройтись мимо таких достижений, „Крокодил“ решил увековечить тов. Шомичева на своих страницах. Не все же нам помещать прорыщников и очковтирателей.

На снимке изображен кабинет директора Москмитреста. Тов. Шомичева в кабинете нет: со свойственной ему природной скромностью он сирился из кабинета, едва завидев нашего фоторепортера. Но это ничего. Изящный письменный прибор и свежая газета на столе молча свидетельствуют о том, как внимательно следит тов. Шомичев за директивами партии и правительства о бесперебойном снабжении школ дешевыми и хорошими карандашами.

Единственная просьба к читателям: не примите по ошибке васнятого наш шим фоторепортером бронзового идола за тов. Шомичева. Спутать их — не трудно, а тов. Шомичеву будет неприятно.

Ответственный редактор М. МАНУИЛЬСКИЙ

Редколлегия: Я. БЕЛЬСКИЙ, М. МАНУИЛЬСКИЙ, Л. МИТНИЦКИЙ

Заведующий редакцией И. АБРАМОВИЧ

Адрес ред.: Москва, ул. Герьева, 48. Тел. 1-89-55; 5-53-48 Прием ежедн. в 1 до 5 час. Подписная цена на журн.—96 к. в м. Подписка принимается только почтой. Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Москва, Изд. № 1013

Сдача текста и рисунков—18/ХІ-33 г.

Подпись и печати — 29 XI-33 г.

Статформаг АУ—220×333. Печатных листов 2. Количество знаков в 1 печ. листе 120.000

Уполномоченный Главлита № В — 68622

2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Сушевский вал, 49.

Зак. № 1873. Тираж 210.000

— Какой сюрприз! Только два года назад я перевел тебе по телеграфу деньги, а сегодня они уже получены...

СТРАШНЫЙ СОН

Сновиденьям учета я не веду
(И кому же взбредет такая фантазия?!),
Но твердо я знаю: раз десять в году
Мне снится классическая гимназия.
Выплывает обширный актовъ зал
И зеленая скатерть с облезлой бахромкою.
Словесник ехидно ощерил оскал,
И я свой билет растерянно комкаю.
— Довольно, садитесь!.. Господин Иванов!—
Вопрос им завинчен, как в пробку пробочник.—
— Э... с-с-кажите, пожалуйста, сколько блинов
За завтраком Чичиков с'ел у Коробочки?..
Прерывает молчанье злорадная трель:
— Э... классиков нужно постичь до омеги нам!
Э... какого числа... состоялась дуэль
Между Ленским и Евгением Онегиным?..
Экзамен квартирой сменился затем,
Мой квартирный журнал ведется исправненько:
„Когда отлучался, куда и зачем?“—
Для сведенья строгих квартирных наставников...
Инспектор явился меня проверять
И, глядя поверх живота исполинского,
Он коротко взвизгнул: „Сейчас же убрать!!!“
Перстом указуя на томик Белинского.
Инспектор зрачками буравит насквозь,

А я бормочу, заикаясь и путая...
В уютную комнату вдруг ворвалось
Господ Передоновых*) скопище лютое.
Начавши мою этажерку крушить,
Оскалили пасти — столпы оголтелости:
— Негодный воспитанник! Надо лишить,
Лишить аттестата, лишить его зрелости!..
От страшной угрозы почувствовав дрожь,
Я жалобно вскрикнул, как заяц затравленный!..

— Да что с тобой, папа? Чего ты орешь,
Как пассажир, в трамвае придавленный?! —
Сынишка мой явью метнулся ко мне:
— Наверно, во сне ты увидел страшилище?
— Да нет, я гимназию видел во сне,
Ну, знаешь ли, школу... такое училище...
Сынишка давай хохотать надо мной, —
Никак не понять ему выкрика зряшного:
— Смешно до чего мне! Ты, папа, чудной!
Ну, что же в ней, в школе, такого страшного?!

В. ГРАНОВ

* Передонов — герой романа Ф. Сологуба „Мелкий бес“. Тип дореволюционного педагога-мракобеса.